

DOI 10.15393/j10.art.2017.3321

Оксана Александровна Сосновская*специалист Web-лаборатории**Института филологии**Петрозаводского государственного университета,**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬНИЦЫ УНИВЕРСИТЕТОВ НАЧАЛА 1860-х гг. ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотация. В начале 1860-х гг. заметным явлением общественной жизни России стала борьба женщин за право посещения университетов и получение высшего образования. Ф. М. Достоевский был «за» перемены в общественном сознании, начинавшие происходить в это время, а потому поддерживал стремление девушек того времени работать и учиться, однако отрицая революционные способы достижения этой цели. Не случайно на страницах журналов, издаваемых братьями Михаилом и Федором («Времени», 1861–1863 гг.; «Эпохи», 1864–1865 гг.), публиковались статьи и заметки по поводу женского образования и «женского вопроса» в целом. Достоевский был лично знаком со многими яркими представительницами «нового» поколения — сестрами Натальей Иеронимовной и Екатериной Иеронимовной Корсини, Надеждой Прокофьевной Суловой и ее сестрой Аполлиной. Сохранившиеся письма некоторых из упомянутых девушек к писателю свидетельствуют о его дружеском к ним расположении. Знаком был Федор Михайлович и с сестрами Корвин-Круковскими, также оставившими свой яркий след в истории женского образования. Все эти девушки (за исключением Е. И. Корсини) занимались и писательством. В их дневниках, мемуарах, письмах и литературных опытах ярко иллюстрирован процесс формирования женского самосознания, их нелегкий путь к образованию и труду. В настоящем исследовании на материале архивных, периодических и мемуарных источников предпринята попытка систематизации и анализа фактов биографии женщин-вольнослушательниц начала 1860-х гг. в их соотнесенности с жизнью и творчеством писателя.

Ключевые слова: Корсини, Надежда Сулова, Аполлиния Сулова, вольнослушательницы, высшее образование, женский вопрос, нигилистка

В России середины XIX века женщины не имели права на посещение университетов и получение высшего образования¹. Российские реалии (политического, экономического и социального характера), сложившиеся к началу 1860-х гг., стали причиной массового стремления женщин к образованию, когда им на короткий период разрешили посещать высшие учебные заведения в качестве вольнослушательниц. Это время перелома в общественном сознании в отношении социальной роли женщины — так называемый «женский вопрос», дискуссия по поводу которого была одной из наиболее актуальных, модных и интересных. Устроитель Высших женских курсов, открывшихся в Москве в 1872 году, историк и педагог Владимир Иванович Герье (1837–1919), вспоминая о стремлении молодых девушек того времени к образованию, отмечал, что «еще в начале 60-х годов <XIX века> были женщины, проникавшие на лекции университета и надеявшиеся там

утвердиться»². Борьба девушек за доступ к высшему образованию и право называться «студенткой» стала важнейшим аспектом «женского вопроса».

Именно в это время (а точнее — в самом конце декабря 1859 г.) Ф. М. Достоевский получает долгожданное разрешение на переезд в Петербург после многолетней каторги и службы. Появление его было встречено прогрессивной молодежью весьма восторженно, так как «в нем чтили недавнего страдальца»³, что являлось фактом, сближающим писателя со студенчеством. На страницах журналов (сначала «Времени», затем, после прекращения его существования, — «Эпохи») неоднократно появлялись статьи и заметки по поводу «женского вопроса» в целом и женского образования в частности (см. об этом, напр.: [28]). И если говорить о позиции писателя по этому «вопросу», то он не принадлежал к его многочисленным ярым противникам, а был, скорее, поборником, считая, что реализация женщины в роли жены и матери ничуть не мешает ее реализации в социальной сфере.

Заметным явлением этого времени были многочисленные студенческие кружки, члены которых устраивали собрания и литературные вечера. Именно на подобных вечерах Федор Михайлович и встречался с первыми женщинами-студентками (хотя по статусу их следует называть вольнослушательницами), олицетворявшими собой новое явление, только нарождавшееся в среде молодых девушек начала 1860-х гг.

Среди этих первых вольнослушательниц, так или иначе связанных с писателем, можно назвать сестер Корсини (Наталью Иеронимовну и Екатерину Иеронимовну) и сестер Суловых (Аполлинарию Прокофьевну и Надежду Прокофьевну). Знакомы эти девушки были и между собой.

Л. Ф. Пантелеев, автор воспоминаний о жизни студенчества Петербургского университета в 1858–1861 гг., пишет о появлении большого количества женщин, записавшихся вольнослушателями⁴. Самой первой женщиной, появившейся в стенах Петербургского университета в зимний семестр 1860 г., стала *Наталья Иеронимовна Корсини* (1841–1913). Уже к концу второго семестра женщины присутствовали на всех факультетах. Профессор К. Д. Кавелин, являвшийся тогда деканом юридического факультета Петербургского университета и пользовавшийся значительным влиянием на университетский совет, смог добиться решения о позволении им посещать лекции. Затем этому примеру последовали и другие университеты, кроме Московского, где большинство профессоров высказались «против».

Фурор, произведенный появлением на университетских лекциях Натальей Корсини, описан Пантелеевым так:

Раз в осенний семестр 1860 г. сидим мы, студенты-юристы второго курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина <...>. По времени входит Кавелин; но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам,

а Кавелин, как ни в чем не бывало, прочел свою лекцию. Не думаю, однако, что на этот раз все прослушали лекцию с тем вниманием, как это обыкновенно бывало. То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов. Барышня имела резко выраженный итальянский тип, небольшого роста, всегда одета в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и собраны в сетку. То была Наталья Иеронимовна Корсини, дочь небезызвестного тогда в Петербурге архитектора Иеронима Дементьевича Корсини⁵.

Илл. 1. Н. И. Корсини⁶

Следует особо подчеркнуть, что поведение Н. И. Корсини в середине XIX века считалось более чем смелым и даже вызывающим. При первых появлениях в университетских стенах ее сопровождали и вводили в аудиторию ректор и преподаватель. И только лишь спустя какое-то время она смогла появляться на лекциях без сопровождения. Отношение к «женщине, самостоятельно презентующей себя в публичном пространстве как к своего рода “публичной” женщине, со всеми вытекающими из этой формулировки смысловыми коннотациями» было вполне традиционным для того времени [22].

Ярко иллюстрирует подобное отношение к женщине и полемика Достоевского с «Русским Вестником» по «пушкинскому вопросу». Она возникла после появления в печати значительного количества крайне негативных высказываний о выступлении Евгении Эдуардовны Толмачевой с чтением импровизации о Клеопатре из «Египетских ночей» А. С. Пушкина. Это чтение на благотворительном литературно-музыкальном вечере в пользу сиротских приютов вызвало немало неодобрительных отзывов именно вследствие гендерной принадлежности чтеца, что писатель посчитал вопиющей несправедливостью. Достоевский не был лично знаком с госпожой Толмачевой. Однако, желая сказать свое слово как в ее поддержку, так и в защиту женского равноправия, на страницах журнала «Время» он вступал в полемику с ненавистниками эмансипации, которые представляли последнюю как «право всякой женщины ставить своему мужу рога». Свободное сожителство, заключение фиктивных браков и тому подобные веяния в среде тогдашней молодежи искренне возмущали писателя — он раздел

о некой «золотой середине», считая, что эмансипацию стоит сводить «к христианскому человеколюбию, к просвещению себя во имя любви друг к другу, — любви, которой имеет право требовать себе и женщина»⁷.

Не оставил без внимания журнал «Время» и вопрос о допуске девушек на университетские лекции. Помимо регулярной публикации в отделах «Смесь» и «Внутренние новости» статистических данных относительно открывающихся по России женских гимназий, журнал знакомил читателей с разными мнениями о женском образовании, вступая в полемику на эту тему с другими периодическими изданиями. Так, в № 5 за 1862 г., продолжая дискуссию с газетой «Северная Пчела», где в № 86 появилась заметка об отсутствии надобности лицам женского пола посещать университеты, авторы журнала «Время» настаивают на необходимости разрешения женщинам учиться, если они имеют на то желание и способности. В заметке говорится, что сторонники подобного разрешения «добиваются только того, чтобы общественное мнѣніе не возмущалось такимъ явлениемъ, что женщина, почувствовавшая потребность высшаго образования, придетъ въ университетъ и сядетъ на студенческую скамью»⁸.

Разрешение на посещение представительницами женского пола лекций просуществовало недолго — университетский устав 1863 года, сыгравший значительную роль в развитии высшего образования в России, на «женский вопрос» ответил молчанием. А последующие распоряжения Министерства народного просвещения и составленные университетами на их основе правила о допущении посторонних лиц к слушанию лекций такого права женщинам не предоставили (см.: [1]).

Наталья Иеронимовна Корсини участвовала в студенческом движении 1861 г. (за это она даже была посажена в крепость) и в радикальных петербургских кружках, что стало поводом для полицейского надзора над ней. Этот надзор продолжался довольно длительное время. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в бумагах по делу «О девице Корсини», среди записей, относящихся к 1862–1863 гг., есть и датированные 1877 годом. Одной из причин подобного внимания к Н. Корсини со стороны власти было то, что ее мужем стал Н. И. Утин (в начале 1860-х гг. бывший студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, активный участник революционного движения 1860–70-х гг.⁹): покинув Россию, она обвенчалась с ним в Женеве в 1866 г. Будучи студенткой, Н. Корсини принимала участие в работе комитета для

Корсини Наталья за
гражданство и как граждан-
ство настоящим обра-
зом, женщина замужем
за Николаем Утиным.

Илл. 2. Из материалов дела «О девице Корсини»
(ГА РФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230. Ч. 108. Л. 12)

помощи студентам, существовавшем при Литературном фонде до его закрытия в июне 1862 года [10].

Н. И. Утина (Корсини) продолжила семейную традицию: равно как и ее мать, Мария Антоновна Корсини (урожд. Быстроглазова), она также стала писательницей. Некоторые свои произведения она подписывала псевдонимами. А ее роман «Жизнь за жизнь» (1885), в сюжете которого узнавались драматические события жизни Герцена, — «имел успех скандала» [11, 104].

Вслед за Н. И. Корсини, первой женщиной, появившейся в Петербургском университете, его начала посещать и ее сестра *Екатерина Иеронимовна Корсини* (1838–1911). Девушки, как вспоминала Елена Андреевна Штакеншнейдер, хозяйка знаменитого петербургского литературно-музыкального салона, посещаемого и сестрами Корсини, действительно были «в некотором роде знаменитости»¹⁰. Эпизод «за чайным столом», описанный Еленой Андреевной в ее воспоминаниях, ярко иллюстрирует два противоположных типа девушек того времени:

...ее <Е. И. Корсини> посадили рядом с Софи Кавос. Они обе одних лет, обе полуитальянки (русские матери и итальянцы отцы), обе дочери архитекторов, вот в этом их сходство. Несходство же в том, что одна была в светлом шелковом платье с розовыми ленточками и в модной прическе, другая в простом черном шерстяном, без всяких украшений, и стриженная. Одна еще не вышла из-под крыла матери, другая по матери уж сирота и пользуется некоторой свободой, дозволенной отцом, выходит одна, посещает университет, окружена молодежью, студентами.

Обе они несколько времени молча поглядывали друг на друга, одна на черное платье и стриженую голову, другая на модный наряд и модную прическу...¹¹

Безусловно, в продолжение описываемого Е. А. Штакеншнейдер вечера обсуждался и пресловутый «женский вопрос», о котором Екатерина Иеронимовна «горячо спорила с Полонским»¹².

Знакомство Е. И. Корсини с Ф. М. Достоевским, вполне вероятно, могло состояться в 1861 г. на вечерах сестры, Н. И. Корсини, которые устраивались ею вплоть до отъезда за границу в 1863 г. Эти вечера, по воспоминаниям современников, собирали «тесный кружок, связанный очень близкими дружескими отношениями», и за чайным столом велись «оживленные споры» на разные темы¹³.

2 марта 1862 г. Достоевский вместе с Е. И. Корсини участвует в вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В нем принимала участие и племянница Федора Михайловича — Мария Михайловна Достоевская. Девушки исполняли «Камаринскую» М. И. Глинки (см.: [14, 351–352]; [3, 47–58]).

Е. И. Корсини была близкой знакомой Достоевского Аполлинаруи Сусловой. Сохранившиеся письма Екатерины Иеронимовны к писателю (известно о двух таковых письмах) свидетельствуют об их довольно близком знакомстве и дружеском расположении друг к другу. Так, в письме от 21 марта 1862 г. она сообщает:

...узнала отъ Полонскаго, что вы снова захворали, и что васъ лечитъ Бессеръ. Оба эти обстоятельства очень огорчили меня, въ особенности послѣднее. Знаете-ли вы, что за человекъ Бессеръ? Неужели вы думаете, что модный врачъ, который имѣетъ огромную практику, который вѣчно торопится и какъ заведенная машина объѣзжаетъ своихъ больныхъ, — можетъ добросовѣстно вникать въ болѣзнь каждаго пациента?¹⁴

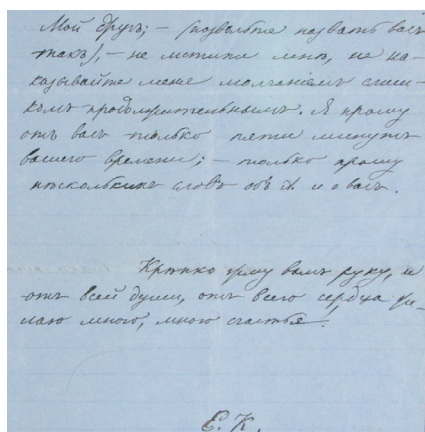
Выражая свое нелестное мнение о д-ре Бессере, она советует обратиться к «честному и добросовестному» по ее мнению доктору Бокову, сообщая его адрес¹⁵.

В письме от 2 декабря 1862 г. Екатерина Иеронимовна, будучи тогда уже за границей, извиняется за свое долгое молчание и выражает надежду на дальнейшее общение:

Ради Бога, извините меня, что я цѣлую вѣчность не отвѣчаю на ваше славное, теплое письмо. Ради Бога, не раскаявайтесь¹⁾ въ нашемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ! <...>

...если вы и теперь еще сохранили ко мнѣ сколько нибудь дружбы, и если вы чувствуете, что я вамъ существо сколько нибудь родное, — то напишите и о себѣ; ваше письмо доставило бы мнѣ очень, очень большую радость. Такъ грустно ничего не знать о людяхъ, которыми интересуешься!¹⁶

Также в этом письме Е. И. Корсини интересуется у писателя, есть ли у него какие-либо известия от Аполлинаруи, прося его написать о ней хоть пару строк. О доброжелательном отношении Достоевского к этой девушке (вышедшей замуж за П. А. Висковатова) косвенно может свидетельствовать и тот факт, что в письме (не сохр.) к Аполлинаруи Сусловой он советует пообщаться с Висковатовыми, которые должны были быть за границей. В ответном послании (от июня 1864 г.) Аполлинаруя сообщает: «Ты меня утешаешь, что в Брюсселе Висковатовы, но они давным-давно уже в Петербурге»¹⁶. Таким

Илл. 3. Из письма Е. Корсини
(НИОР РГБ Ф. 93.И.5.125. Л. 4)

¹⁾ Далее была запятая.

образом, Е. И. Корсини, увлеченная и стремящаяся к образованию девушка, не могла не вызывать симпатии у писателя, поддерживающего начинания юных барышень в их желании учиться и быть самостоятельными.

Такое желание было очень сильно и у других ярких представительниц молодежи 1860-х гг. — сестер Суловых. Надежда Прокофьевна (1843–1918) и Аполлиария Прокофьевна (1839–1918), очутившись в студенческой среде, быстро смогли стать «своими» в различных кружках. В них преимущественно входили молодые люди и девушки, которых называли «ни во что якобы невѣрящими *нигилистами* и насмѣшливыми *скептиками*»¹⁸. Мнения современников на их счет были диаметрально противоположны: если среди молодого поколения «получить в 60-х годах прозвание “нигилист”, “ни-гилистка” было почетно»¹⁹, то «в устах обывателей и околказенной печати слово “нигилист” сделалось синонимом слов “преступник”, “бунтовщик”, а сам “нигилизм” ассоциировался с чем-то “ужасным»» [30, 38].

Говоря о поведении «нигилистов» 1860-х гг. Ю. М. Лотман отмечал, что «идеалом» для молодых людей, причисляющих себя к их числу, «являлась “верность себе” <...>. Требование “искренности” подразумевало отказ от подчеркнуто-знаковых систем поведения и, одновременно, ликвидировало необходимость перерывов для того, чтобы “побыть самим собой»» [15, 189]. Нигилизм стал «первым общественно-политическим движением, продекларировавшим равенство полов» [24, 42]. Среди представителей этого «течения» были молодые девушки, которые этот «отказ от подчеркнуто-знаковых систем поведения» воспринимали слишком буквально, чем и вызывали насмешки (появление клички «стриженная», «синий чулок») и общественное неприятие. Так, в газете «Весть» за 1864 год (№ 46) давалась следующая характеристика женщин-нигилисток:

...очень дурны собою, чрезвычайно неграціозны, <...> одѣваются безъ вкуса и до нельзя грязно, рѣдко моютъ руки, никогда не чистятъ ногти, часто носятъ очки, всегда стригутъ, а иногда даже и брѣютъ волосы <...> Читаютъ почти исключительно Фейербаха и Бюхнера, презираютъ искусства, с нѣкоторыми молодыми людьми на «ты», не стѣсняются въ выборѣ своихъ выраженій, проживаютъ или въ одиночку или въ фаланстерахъ, и толкуютъ больше всего объ эксплуатаціи труда, пошлости брака и семьи, и объ — анатоміи²⁰.

В своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская отмечала, что «Федор Михайлович не любил тогдашних нигилисток. Их отрицание всякой женственности, неряшливость, грубый напускной тон вызывали в нем отвращение»²¹. Однако в то время, по мнению Н. Ф. Будановой, «отношение Достоевского к нигилизму и нигилистам» нельзя считать «непримиримо отрицательным» [4, 46]: понимая опасность «радикального» отрицания всего и вся, в своих произведениях и публицистических выступлениях писатель неоднократно высказывался о неоднозначном отношении к этому явлению и о желании

разобраться в нем и его возможном губительном влиянии на общество (см., напр.: [4]; [27]; [25]; [17]). Да и не все нигилистки 1860-х гг. соответствовали описанию, данному Анной Григорьевной. Многие из них действительно серьезно смотрели на жизнь и совершенно сознательно стремились к образованию и самостоятельности. Таковой была и Надежда Сулова, которая, примкнув к нигилистам, с одной стороны, не могла не перенять соответствующий стиль и манеру поведения (строгая простая прическа, аскетичная форма одежды — подпоясанные ремнем скромного покроя и цветовой гаммы платья), а с другой — не отличалась неряшливостью, грубостью, дерзостью поведения.

Как вспоминает русская писательница и мемуаристка А. Я. Панаева о своем впечатлении от первой встречи с Надеждой Прокофьевной на вечере у «горячего пропагандиста» «женского вопроса» и устроителя знаменитой «Знаменской коммуны» В. А. Слепцова, «Н. П. Сулова <...> резко отличалась от других тогдашних барышень, которые тоже посещали лекции в университете и в медицинской академии. В ее манерах и разговоре не было кичливого хвастовства своими занятиями и того смешного презрения, с каким относились они к другим женщинам, не посещающим лекций. Видно было по энергичному и умному выражению лица молодой Суловой, что она не из пустого тщеславия прослыть современной передовой барышней занялась медициной, а с разумной целью, и серьезно относилась к своим занятиям, что и доказала впоследствии на деле»²².

Образы первых студенток, в том числе и Надежды Прокофьевны Суловой, можно обнаружить в повести С. В. Ковалевской «<Нигилист>»:

В нынешнем году женщины добились очень важного шага на пути женской эмансипации: им разрешен доступ на университетские лекции и, разумеется, очень много женщин воспользовались этим новым правом. <...> Надя Сулова была <...> не больше 18 лет. Небольшого роста, но крепкого сложения, со смуглым бледным лицом, с неправильными чертами и сильно заметным калмыцким типом, она скорей могла назваться дурнушкой, чем хорошенькой. Но все ее существо дышало энергией и силой, а серые умные глаза глядели так прямо и так смело из-под черной прямой линии сросшихся на переносице бровей, что придавали всему лицу печать оригинальности, почти красоты. Пройти мимо этой девушки, не заметив ее, было невозможно. В кружке она слыла «сильным человеком» и от нее ждали очень многого в будущем. Все <...> девушки были одеты в черные юбки и в цветные гарибальдийки, подпоясанные у пояса кожаными кушаками. У всех были короткие волосы²³.

Надежда Сулова известна не только как первая женщина-врач, получившая ученую степень, но и как первая девушка из крестьянской семьи, решившаяся на высшее образование. Родилась она в маленьком селе Панино

Горбатовского уезда (ныне — Сосновский район) Нижегородской губернии, а ее отцом был вольноотпущенный крепостной графа Шереметьева Прокофий (Прокопий) Григорьевич Суслов. Как человек незаурядного ума, он смог стать «ведущим администратором в управлении графа <Шереметьева>», а позже — владельцем ситцебумажной фабрики [6, 35]. Не случайно имя «Прокофий» («Прокопий») (др.-греч. Προκόπιος) происходит от προκοπή — «преуспевание, успех». Отец сестер Сусловых был «человек исключительной доброты, прямой, честный, пользовавшийся большим расположением окружающих» [26, 420], во все годы своей службы у графа он радел о нуждах крестьян, а после «в качестве доверенного вел дела ивановцев и павловцев против своего бывшего владельца и работодателя Шереметьева» [6, 35]. Прокофий Суслов считал необходимым сделать все для того, чтобы его дочери были удостоены лучшей судьбы и смогли получить образование, и переехал с семьей сначала в Москву (в 1854 г.), а затем в 1859-м в Петербург (см.: [16, 143]; [13, 20]; [5, 7]).

Черты отцовского характера ярко проявились и у Надежды, «с молодых лет» отличавшейся «исключительной серьезностью, сильно гармонизировавшей с ее деловитой и несколько строгой внешностью» [26, 421].

Решительность и целеустремленность Н. Суловой обнаруживались и в общественной жизни. В 1861 г. Надежда была членом революционной организации «Земля и воля», а по некоторым агентурным сведениям — и членом 1-го Интернационала. Из-за революционных связей она, как и многие «прогрессивные» молодые люди того времени, была взята под негласный надзор полиции. Среди сохранившихся документов дела III отделения «О тайных обществах» есть и те, где упоминается фамилия Суловой. Так, в «Донесении о коммуне Слепцова Петербургского обер-полицмейстера И. В. Анненкова генерал-губернатору Петербурга кн. А. А. Суворову читаем:

Обязанностию считаю донести вашей светлости, что в Петербурге образовался в недавнее время кружок молодежи очень безнравственного и вместе с тем очень вредного направления <...> кружок этот <...> навещали там преимущественно студенты Медико-хирургической академии, вольноприходящая слушательница медицинских наук купеческая дочь Сулова <...> <которая> более прочих проповедовала и распространяла упоминаемые несообразности... [8, 449–451].

Начинала Надежда свое обучение в качестве вольнослушательницы петербургской Медико-хирургической академии, а, после запрещения в 1863 г. посещения лекций женщинам, заканчивала образование в Швейцарии, войдя в 1864 г. в число слушателей Цюрихского университета. Твердо решив целенаправленно двигаться к своей цели: стать врачом, она не боялась ни общественного осуждения, ни бросаемых в окна занимаемой ею квартиры камней реакционно настроенными против присутствия женщин в университете

швейцарскими студентами [26, 421]. Именно эти качества помогли Н. П. Суловой не только довести обучение до конца, но и собрать на защиту своей диссертации ученых из Германии, Франции, Италии, желавших «присутствовать на первом смелом публичном, оказавшимся блестящим, выступлении русской женщины» [26, 421]. В декабре 1867 г. она получила докторскую степень.

Федор Михайлович Достоевский был знаком с Надеждой Прокофьевной и высоко ценил ее за ум, талант и целеустремленность. Вот что пишет он своей любимой племяннице Софье Александровне Ивановой, советуя ей «заняться своим образованием»:

...вы еще слишком молоды, все придетъ своимъ порядкомъ, но знайте что вопросъ о женицннѣ и особенно о русской женицннѣ, непремѣнно, въ теченіе времени даже вашей жизни, сдѣлаетъ нѣсколько великихъ и прекрасныхъ шаговъ²⁴.

Женщина может достичь высот в выбранной профессии, считает Достоевский. В качестве примера он приводит факт «из газет», о том, что Н. П. Сулова, несмотря на препоны, защитила диссертацию:

...на дняхъ прочель въ газетахъ, что прежній другъ мой, Надежда Сулова (сестра Аполинаріи Суловой)²⁾ выдержала въ Цюрихскомъ университетѣ экзаменъ на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая дѣвушка; ей впрочемъ теперь 23 года, рѣдкая личность, благородная, честная<, > высокая.²⁵

Вернувшись на родину, Н. П. Сулова, по российским законам не имевшая права на звание доктора медицины, снова должна была его отстаивать (см., напр.: [18]). Она с честью выдержала экзамен, и это событие произвело «сенсацию <...>, особенно в корпорации докторов, среди которых образовались две партии: одни были возмущены дерзостью женщины, претендующей сделаться их коллегой (тогда твердо укоренилось общее убеждение, что у женщины настолько слабы умственные способности, что она не может усвоить себе никакой науки). Другая партия докторов явилась защитниками умственной равноправности женщины»²⁶.

В 1868 году Надежда Прокофьевна вышла замуж за швейцарского подданного Ф. Ф. Эрисмана (1842–1915), молодого ученого, вместе с ней прибывшего в Россию и ставшего одним из известных гигиенистов. Вместе с ним работала в Нижнем Новгороде. После развода вторым мужем Н. П. Суловой стал в 1885 г. русский врач-гистолог А. Е. Голубев (1837–1926), с которым они поселились в Крыму в имении «Кастель-Приморский», где супруги «продолжали вести трудовую жизнь, содержали в имении амбу-

²⁾ Была запятая, исправлено на скобку.

латорию» и «бесплатно обслуживали всех нуждающихся» [19, 193].

В 2012 г. в Алуште на территории Центральной городской больницы был установлен памятник первой женщине-врачу²⁷. В память о ней на храме села Панино, где крестили Надежду, установлена мемориальная табличка; главная улица села названа в ее честь, а в местной школе действует краеведческий музей, в котором собраны материалы о семье Сусловых; есть улица ее имени и в Нижнем Новгороде²⁸.

В юности еще до твердого решения связать свою жизнь с медициной Надежда Прокофьевна увлекалась, как и значительное количество молодых девушек того времени, писательством. Ее литературные опыты публиковались в журналах «Современник», «Вестник Европы» и были благосклонно приняты критикой. Произведения во многом автобиографичны и посвящены проблемам и трудностям судеб русских женщин того времени.

Среди писем, сохранившихся в эпистолярном наследии Достоевского, есть одно, адресованное Н. П. Сусловой (от 19 апреля 1865 г.). Основное его содержание посвящено взаимоотношениям писателя с сестрой Надежды Прокофьевны — Аполлинаруей. Это письмо отличает особая «эпистолярная откровенность» [20, 61], что еще раз свидетельствует о довольно долгих, близких и доверительных отношениях писателя с Н. П. Сусловой²⁹.

Как и в случае с сестрами Корсини, сестры Суловы следуют одна за другой — мечты и желания Надежды поначалу передались *Аполлинаруе* (сама она предпочитала именовать себя Полиной). Но в отличие от младшей, она не выказывала того упорства в посещении университетских лекций, как ее сестра. Е. А. Штакеншнейдер в воспоминаниях (относящихся к апрелю 1862 г.) дает следующий портрет юной Полины: «...девушка с обстриженными волосами, в костюме, издали похожем на мужской, девушка, везде являющаяся одна, посещающая (*прежде*) (курсив мой. — О. С.) университет, пишущая, одним словом эмансипированная»³⁰. Если верить сведениям, полученным из мемуаров Е. А. Штакеншнейдер, то Аполлинурия к апрелю 1862 г. в вольнослушательницах уже не числилась.

Мечты и чаяния А. П. Сусловой того времени были связаны с писательской деятельностью. В пятом томе журнала «Время» за 1861 г. состоялся ее литературный дебют — за подписью «А. С-ВА» появилась первая повесть «Покуда». Это произведение как раз затрагивало тему женской эмансипации.

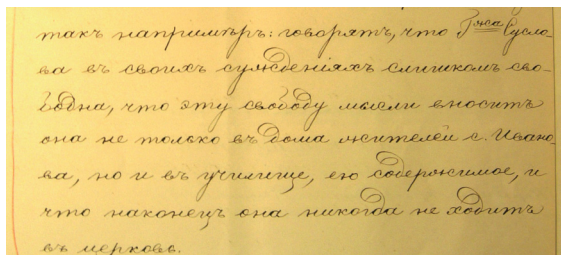

Илл. 4. Памятник Н. Сусловой на территории городской больницы в г. Алушта

Отношение к нигилизму, представительницей которого считалась и Аполлинария в самом начале 1860-х гг., по мере узнавания его «изнутри» изменялось. Суслова, поначалу участвовавшая и в студенческих волнениях, и в распространении различного рода нелегальной литературы, уже к середине 1860-х гг. разочаровывается в идеалах этого течения. Среди прочих принципов, пропагандируемых нигилистами, ее более всего возмущает их отрицание любви и брака [26; 266, 278, 290].

Пробовала себя Аполлинария и в преподавании. Еще будучи за границей, в письме от 2 июня 1865 г. она сообщала своей близкой знакомой графине Е. В. Салиас де Турнемир (писательнице, выступавшей под псевдонимом Евгения Тур): «Я непременно по возвращении в Россию поступаю в школу учительницей. Я буду учить читать деревенских крестьянских детей, а за высокие предметы не берусь» [26, 178]. Действительно, в связи с этим в 1868 г. она предприняла попытку открыть в с. Иваново Владимирской губернии частное женское училище. Но по причине того, что А. П. Суслова была под наблюдением и не вызывала у власти доверия (одной из главных причин этого был факт ее принадлежности ранее к нигилистам, который «доказывался» в донесении тем, что «Г^{жа} Суслова носить синие очки и волосы у нея подстрижены»³¹), училище, просуществовавшее около трех месяцев, закрыли. Донесения на имя министра народного просвещения (Илл. 5) содержат информацию о том, что «въ Ивановскомъ обществѣ ходятъ о ней не совсѣмъ выгодныя <...> толки» следующего характера:

...въ своихъ сужденіяхъ слишкомъ свободна, что эту свободу мысли вносить она не только въ дома жителей с. Иванова, но и въ училище, ея содержимое, и что наконецъ она никогда не ходитъ въ церковь³².

Илл. 5. Из донесения...
(ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 15)

В периодических изданиях 1860-х гг. и мемуарах современников обнаруживаются факты, свидетельствующие о том, как Аполлинария пробовала себя в преподавательской деятельности. В газете «Петербургские Ведомости» (№ 87 от 29 марта 1869 г.) опубликована заметка одного из жителей с. Иваново, Ф. Д. Нефедова, о закрытии школы, созданной А. Сусловой, ставшем для односельчан огромной потерей:

Въ короткое время училище г-жи Сусловой успѣло зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны: хорошіе и преданные дѣлу наставники (всѣ имѣющіе дипломы и въ числѣ ихъ священникъ), человѣчное обращеніе съ учащимися и страстная любовь къ занятіямъ самой учредительницы, заставили отдавать

въ новое училище своихъ дѣтей тѣхъ родителей, которые прежде въ образованіи кромѣ «развращенія нравовъ» ничего не видѣли. Училище г-жи Суловой могло принять широкіе размѣры, какъ вдругъ неожиданный случай — и все разбилось. <...> Это событіе произвело здѣсь такое сильное и глубокое впечатлѣніе, что о немъ одномъ только вездѣ и говорятъ. Родители собираются и говорятъ о закрытіи училища, какъ о великомъ семейномъ горѣ...³³.

Эта заметка также ярко иллюстрирует общее отношение к проблеме образования женщин (девушек, девочек), существовавшее в начале 1860-х гг. Автор сообщает о том, что женских учебных заведений крайне мало, тогда как училища мужские «растут как грибы». О том, что «первой учительницей <...> французского языка была известная Аполлиария Прокофьевна Сулова» (цит. по: [23, 346]), вспоминает в своей автобиографии епископ Арсений (Денисов), церковный историк и духовный писатель.

Мысли о получении образования не оставили А. П. Сулову и в начале 1870-х гг. На открытых в 1872 г. в Москве Высших женских курсах В. И. Герье среди студенток числилась и Аполлиария. Однако там, по воспоминаниям Е. Н. Щепкиной, также слушательницы этих курсов, она задержалась ненадолго³⁴.

Ради обретения свободы и «нового» социального статуса многие девушки в прямом смысле слова сбегали из-под опеки родителей. С. Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства» пишет:

Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то — убежать из родительского дома. <...> приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу — учиться, которая в Петербург — к «нигилистам»³⁵.

Желание учиться (равно как и нигилистические настроения) в это время становилось, если можно так выразиться, даже «заразным». Так, у *Анны Васильевны Корвин-Круковской* (1843–1887), старшей сестры С. Ковалевской (урожд. Корвин-Круковской), «ненавидевшей прежде ученье, явилась теперь (события относятся к 1864 г. — О. С.) страсть учиться»³⁶. Вместо покупки новых нарядов (одеваться теперь она предпочитала просто, а волосы старательно зачесывала под сетку) Анна Васильевна начала выписывать «целые ящики книг, и притом вовсе не романов, а книг с такими мудреными названиями: “Физиология жизни”, “История цивилизации” и т. д.» и просила своего отца отпустить ее учиться в Петербург³⁶. За это она получила от своей гувернантки, яркой противницы новых идей, презрительное прозвище «нигилистки» и «передовой девушки». Вопреки желаниям отца, она пыталась стать этой «передовой девушкой» и пробовала себя в литературном труде. Ее повесть «Сон», опубликованная в журнале братьев Достоевских «Эпоха» (1864, № 8), получила довольно лестные отзывы Федора Михайловича, чье письмо с гордостью показывала Анна своей младшей сестре Софье. После написания второго сочинения (повести «Михаил») и отправки его в журнал

Достоевских (опубл. в № 9, 1864) тайна девушки открылась — ответное письмо Федора Михайловича попало в руки отца Анны Васильевны. Здесь столкнулись две противоположные точки зрения, присущие современному обществу того времени в целом: одну выразил отец А. В. Корвин-Круковской, приверженец «старых» взглядов на роль женщины в семье и обществе, считавший, что девушка, продающая свои повести, способна и «себя продавать»³⁸, другую — Достоевский, не видевший в желании женщин учиться, быть самостоятельными и зарабатывать себе на жизнь ничего дурного. После встречи в Петербурге между Федором Михайловичем и Анной Васильевной завязались доверительные отношения, и весной 1865 г. Достоевский предложил ей стать его женой.

Знакома была А. В. Корвин-Круковская и с участницей студенческого движения 1861 г. Натальей Иеронимовной Корсини (Утиной). Девушки встретились в Петербурге в конце зимы 1862–1863 гг. и подружились. Позже, переехав в Швейцарию, встречались и там. «С Натой Утиной, — пишет А. В. Корвин-Круковская в письме из Женевы к сестре и к близкой знакомой А. М. Евреиновой, — я очень даже дружна» (цит. по: [10]).

Для женщины 1860-х гг. свобода в выборе одежды, прически, внешнего облика была равнозначна борьбе не только за право на получение образования, но и на свободу от принудительных браков. В это время среди девушек, желавших учиться, но не получающих на это согласия родителей, распространены были фиктивные браки. Основой подобного союза преимущественно было желание освободиться от родительской опеки и иметь возможность заниматься своим образованием. Против заключения фиктивных браков резко выступали многие выдающиеся русские писатели, среди которых был и Ф. М. Достоевский. В таком фиктивном браке состояла младшая сестра А. В. Корвин-Круковской — Софья Васильевна Ковалевская, отчасти и благодаря этому ставшая великим математиком. Мысли о подобном союзе появились у Анны Васильевны Корвин-Круковской, мечтавшей о писательской карьере (см.: [21]). Таким образом, стремление к самостоятельной жизни, желание учиться и работать, достижение всеми доступными способами реализации этого стремления становились одними из заметных тенденций среди молодых барышень 1860-х гг.

Безусловно, появление Н. И. Корсини в стенах Петербургского университета, ставшее примером для других желавших учиться девушек того времени, доведенное до конца образование и защита диссертации Н. П. Сусловой, создание условий для получения другими девушками медицинского образования на организуемых ею женских фельдшерских курсах [16, 144–145] явились одними из немаловажных факторов, способствующих снятию того барьера, который преграждал женщинам путь в медицину и науку в целом. Конечно, вопрос о высшем женском образовании все еще оставался нерешенным, но важный этап на долгом и сложном пути становления и развития высшего женского образования в России был пройден. Начали

открываться (и, к сожалению, закрываться) высшие женские курсы: в 1872 г. в Москве курсы Герье, в Петербурге в этом же году — Женские врачебные курсы, самыми знаменитыми и продолжительными (просуществовавшими 40 лет) стали Бестужевские курсы, открытые в 1878 г., в 1897 г. был открыт Петербургский женский медицинский институт.

Достоевский был «за» перемены в общественном сознании, начинавшие происходить в начале 1860-х гг., отрицая при этом революционные способы достижения этой цели. Он был лично знаком со многими яркими представительницами «нового» поколения («шестидесятницами») и как мог старался поддерживать их решимость в борьбе за право учиться и работать. Именно по этой причине многие из начинающих женщин-литераторов получали поддержку в лице писателя и издателя и одобрение на литературный труд. В оставленных ими дневниках, мемуарах, письмах и литературных опытах иллюстрирована история формирования женского самосознания, их нелегкий путь к образованию и труду. Публикации в издаваемых М. М. и Ф. М. Достоевскими журналах произведений, посвященных этому вопросу, тоже свидетельствуют о положительном отношении писателя к переменам относительно роли женщины в обществе, в которой он видел залог «обновления» нации: «Она <русская женщина> твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно... В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества»³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов (1832–1867). Подготовка к публикации. Комментарии». № 17-34-01056а2.

¹ Первые попытки реализации идеи отдельного высшего учебного заведения для женщин относятся к концу 1860-х гг., когда в Москве в мае 1869 г. были открыты Лубянские курсы (см. подробнее: [2]).

² Цит по: [9, 169].

³ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. С. 225.

⁴ Там же. С. 213–220.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ Фото взято из книги: Деятели революционного движения в России : Био-библиогр. словарь : От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1928. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли» : Ч. 2 : Шестидесятые годы. Стб. 422.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19. С. 126.

⁸ Смѣсь // Время. 1862. № 5. С. 47.

⁹ Утин Н.И. (1841–1883) — русский революционер, принимавший активное участие студенческих волнениях осенью 1861 г., за что 26 сентября этого года был заключен более чем на 2 месяца в Петропавловскую крепость. После того события Утин не прекратил революционной работы: он играл руководящую роль в петербургском комитете тайного общества «Земля и воля» и, предупрежденный кем-то о готовящемся его аресте, покинул Россию в мае 1863 г. Сначала он обосновался в Лондоне, затем в Швейцарии в городке

- Веце. Позже стал активным членом Русской секции I Интернационала в Женеве. Кстати сказать, отец Н. И. Корсини, знаменитый архитектор И. Д. Корсини, был автором перепроектирования дома в Петербурге на Английской набережной, 12 (надстройки особняка и нового оформления фасада), в котором поселился отец Н. И. Утина, банкир-миллионер Исаак Осипович Утин (1812–1876) в 1855 г. (см.: [3, 54]).
- 10 Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / ред., ст. и коммент. И. Н. Розанова. М.: ACADEMIA, 1934. С. 277.
- 11 Там же. С. 279.
- 12 Там же. С. 280.
- 13 Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 258.
- 14 НИОР РГБ. 93.П.5.125. Л. 1.
- 15 Там же.
- 16 НИОР РГБ. Ф. 93.П.5.125. Л. 3–3 об.
- 17 Сулова А. П. Годы близости с Достоевским. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1928. С. 171.
- 18 Острогорский В. Изъ истории моего учительства. С.-Петербургъ: Изд-е О. Н. Попова в тип. Н. Н. Скороходова, 1895. С. 75.
- 19 Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 292.
- 20 Наши нигилистки // Вестъ. 1864. № 46. С. 18.
- 21 Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / А. Г. Достоевская; [вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова]. М.: ООО «БОСЛЕН», 2015. С. 207.
- 22 Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. С. 377–378.
- 23 Ковалевская С. В. <Нигилист> // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 174–175.
- 24 Письмо от 1 (13) января 1868 года // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.17. Л. 5 об.
- 25 Там же. См. также: ДЗ0. Т. 28, кн. 2. С. 252; 461–462.
- 26 Панаева А. Я. Воспоминания. С. 378.
- 27 Об открытии памятника см.: [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/07/31/nadezhda_suslova_za_mnoj_pridut_tysyachi/
- 28 Информация взята с сайта фонда «Дать понять», основанного журналистом и культуртрегером Галиной Филимоновой в 1999 г. в Нижнем Новгороде для реализации проектов в области искусства и культуры. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gttp.ru/map_NN/sosnovsk.htm
- 29 О взаимоотношениях великого писателя и экзальтированной красавицы см., напр.: [26].
- 30 Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 307–308.
- 31 ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 14 об.
- 32 Там же. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 15. См. также: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. М.-Л.: Изд-во «Мысль», 1924. С. 252.
- 33 Заметку Ф. Нефедова см.: Внутренние известия (Корреспонденция «СПб. Ведомостей») // Петербургские Ведомости. 1869. № 87. 29 марта. С. 2. См. также: [26, 318–319].
- 34 См. подробнее: Щепкина Е. Н. Первые годы Высших женских курсов // Русское прошлое. 1923. № 5. С. 134–145.
- 35 Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Наука, 1974. С. 57.
- 36 Там же. С. 60.
- 37 Там же. С. 60–61.
- 38 Там же. С. 70.
- 39 Достоевский Ф. М. Дневник Писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврус, А. И. История российских университетов / А. И. Аврус. — Москва : Московский общественный научный фонд, 2001 [Электронный ресурс]. — URL : http://intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/social_history_pedagogic/material_period/Avrus_History_universities.pdf (15.10.2017).
2. Андросова, О. А. Генезис и содержание высшего женского образования в России второй половины XIX — XX века : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. А. Андросова. — Москва, 2008. — 24 с. [Электронный ресурс]. — URL : http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003446082/viewer/ (15.10.2017).
3. Антонов, В. В. Корсини в Петербурге / В. В. Антонов // Культурно-исторический альманах «Фонтанка». — 2012. — № 11. — С. 47–58.
4. Буданова, Н. Ф. Достоевский и Тургенев : творческий диалог / Н. Ф. Буданова. — Ленинград : Наука, 1987. — 198 с.
5. Векслер, А. Надежда Сулова — первая русская женщина-врач / А. Векслер // Биржа плюс карьера. — 2001. — 8 февр. — С. 7.
6. Верняев, И. И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе Парлово / И. И. Верняев // Вестник СПбГУ. Сер. 2. — 2012. — Вып. 3. — С. 16–41.
7. Вознесенская, А. П. Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. / А. П. Вознесенская // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — № 2. — С. 153–156.
8. «Знаменская коммуна». I. Из воспоминаний А. Г. Маркеловой. II. Полицейские и агентурные документы / публ. М. Л. Семановой // Литературное наследство. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 71 : Василий Слепцов : Неизвестные страницы. — Т. 71. — С. 439–460.
9. Иванова, Т. Н. У истоков высшего женского образования в России : организационная деятельность В. И. Гернье в свидетельствах современников / Т. Н. Иванова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 37 (175). История. — Вып. 36. — С. 169–176.
10. Книжник-Ветров, И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны / И. С. Книжник-Ветров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — 258 с. [Электронный ресурс]. — URL : http://istmat.info/files/uploads/27448/commune_i-s-knizhnik_1964.pdf (15.10.2017).
11. Козьмин, Б. П. Русская секция первого Интернационала / Б. П. Козьмин. — Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1957. — 417 с.
12. Котовская, М. Г. Гендерные очерки : история, современность, факты / М. Г. Котовская. — Москва : ИЭА РАН, 2004. — 358 с. [Электронный ресурс]. — URL : <http://ecsocman.hse.ru/text/19193340> (15.10.2017).
13. Кулагина, И. П. Русские женщины в медицине во второй половине XIX — начале XX века : правовые и практические проблемы / И. П. Кулагина // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 18. — С. 19–23.
14. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. / сост. Якубович И. Д., Орнатская Т. И. — Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. — Т. 1. — 544 с.
15. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. — 399 с.

16. Обуховская, Л. А. Надежда Сулова : за мной придут тысячи / Л. А. Обуховская // Обуховская Л. А. Достояние республики Крым. Книга вторая. — Симферополь : Н. Орианда, 2016. — С. 143–146.
17. Овчинников, И. Нигилизм в оценке Достоевского : введение / И. Овчинников // Русский журнал [Электронный ресурс]. — URL : <http://old.russ.ru/krug/01vvodka-pr.html#8b> (15.10.2017).
18. Осипов, Г. В. Первая русская женщина-врач Надежда Прокофьевна Сулова / Г. В. Осипов // Здоровье. — 1988. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL : <http://lechebnik.info/511/20.htm> (15.10.2017).
19. Орехова, Л. А. «Солнце мертвых» : крымский текст и крымский архив / Л. А. Орехова // Крымский текст в русской культуре : материалы междунаро. науч. конф. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 190–202.
20. Орехова, Л. А. Старые и новые мифы об Аполлинарии Суловой-Розановой, возлюбленной Ф. М. Достоевского / Л. А. Орехова // Муза. Научно-популярный журнал Общества «Муза» по изучению русской и советской литературы. — № 28. — 1 июня 2013 г. — Осака : Изд-во «Муза» (Япония). — С. 55–72.
21. Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. — Москва, 1988. — URL : <http://www.a-z.ru/women/texts/pavll1r-11.htm> (15.10.2017).
22. Рабжаева, М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию / М. В. Рабжаева // Российские женщины и европейская культура / материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 18–31 [Электронный ресурс]. — URL : <http://anthropology.ru/text/rabzhaeva-mv/zhenskaya-emansipaciya-v-rossii-eksperimenty-po-gendernomu-konstruirovaniyu> (15.10.2017).
23. Романова, С. Н. Архивные документа к жизнеописанию епископа Арсения (Денисова) / С. Н. Романова // XVIII : Ежегодная Богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : материалы. — Москва, 2008. — Т. 1 (№ 18). — С. 344–348.
24. Руднева, Я. Б. Русские студентки в университетах Западной Европы во второй половине XIX — начале XX века / Я. Б. Руднева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). — 2011. — 11 (113). — С. 41–47.
25. Сараскина, Л. И. Федор Достоевский. Одоление демонов / Л. И. Сараскина. — Москва : Согласие, 1996. — 462 с.
26. Сараскина, Л. И. Возлюбленная Достоевского : Аполлинария Сулова : биография в документах, письмах, материалах / Л. И. Сараскина. — Москва : Согласие, 1994. — 456 с.
27. Твардовская, В. А. Достоевский в общественной жизни России (1861–1881) / В. А. Твардовская. — Москва : Наука, 1990. — 339 с.
28. Тивченко, Д. В. Тема женского образования в журнале братьев Достоевских «Время» / Д. В. Тивченко // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014. — № 12 (134). — С. 48–50.
29. Шиган, Е. Е. Первые годы жизни Н. П. Суловой и Ф. Ф. Эрисмана в России : начало пути ученых / Е. Е. Шиган // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 3 (45). — С. 131–132.
30. Ширинянец, А. А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм / А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2012. — № 1. — С. 38–49.

Oksana A. Sosnovskaya

Master of Arts of the Web-Laboratory
of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

sosna2679@yandex.ru

DOSTOEVSKY AND THE VOLUNTEERS OF THE UNIVERSITY IN THE EARLY 1860's

Abstract. In the early 1860s a notable phenomenon of social life in Russia was the struggle of women for the right to visit universities and obtain higher education. F. M. Dostoevsky was «for» the changes in the public consciousness that were in process at this time, and thus, supported the desire of the girls of that time to work and study, at the same time denying the revolutionary ways of achieving this goal. It was no coincidence that on the pages of journals edited along with his brother Mikhail («Vremya», 1861–1863, «Epokha», 1864–1865) he published articles and essays on female education and the «women's question» in general. Dostoevsky was personally acquainted with a lot of bright representatives of a «new» generation, such as the sisters Natalia Ieronimovna and Ekaterina Ieronimovna Corsini, Nadezhda Prokofievna Suslova and her sister Apollinaria. Existing letters of some of the mentioned girls to the writer testify his friendliness to them. Fyodor Mikhailovich knew also the sisters Korvin-Krukovsky, who left a large footprint in the history of women's education. All these girls (with the exception of E. Corsini) were engaged in writing. Their diaries, memoirs, letters and literary experiments vividly illustrate the process of the formation of women's self-awareness, their hard way to education and work. This study is an attempt to systematize and analyze the facts of the biography of female noncredit students at the beginning of the 1860s through their correlation with life and work of the writer.

Keywords: Corsini, Nadezhda Suslova, Apollinaria Suslova, female noncredit students, higher education, a woman's question, a nihilis

REFERENCES

1. Avrus A. I. *Istoriya Rossiyskikh universitetov [History of Russian Universities]*. Moscow, The Moscow Public Science Foundation Publ., 2001. Available at: http://intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/social_history_pedagogic/material_period/Avrus_History_universities.pdf (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
2. Androsova O. A. *Genesis i sodержanie vysshego zhenskogo obrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XIX — XX veka: avtoref. dis. ... kand. pedagog. nauk [The Genesis and the Content of Women's Higher Education in Russia in the Second Half of the 19th and in the 20th Centuries. PhD. pedagog. sci. diss. abstract]*. Moscow, 2008. 24 p. Available at: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003446082/viewer/ (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
3. Antonov V. V. Corsini in St. Petersburg. In: *Kul'turno-istoricheskiy al'manakh «Fontanka» [Cultural and Historical Almanac "Fontanka"]*, 2012, no. 11, pp. 47–58. (In Russ.)
4. Budanov N. F. *Dostoevskiy i Turgenev: tvorcheskiy dialog [Dostoevsky and Turgenev: A Creative Dialogue]*. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 198 p. (In Russ.)
5. Veksler A. Nadezhda Suslova as the First Russian Female Doctor. In: *Birzha plyus kar'era [Stock Exchange Plus Career]*, 2001, Feb. 8, p. 7. (In Russ.)
6. Vernyaev I. I. The Reform of 1861 in the Commercial Village of Parlovo. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2 [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2]*, 2012, issue 3, pp. 16–41. (In Russ.)

7. Voznesenskaya A. P. The Image of a Nihilist Woman as a Repercussion of the Change of the Value Paradigm in Russian Culture of the 19th Century. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Circumstances. Development (Terra Humana)], 2012, no. 2, pp. 153–156. (In Russ.)
8. Semanova M. L. «Znamensky Commune». 1. From the Memoirs of A. G. Markelova. 2. Police and Secret-Service Documents. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, vol. 71, pp. 439–460. (In Russ.)
9. Ivanova T. N. At the Origins of Women's Higher Education in Russia: The Organizational Activities of V. I Guernier in the Testimonies of His Contemporaries. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2009, no. 37 (175), issue 36, pp. 169–176. (In Russ.)
10. Knizhnik-Vetrov I. S. *Russkie deyatel'nitsy Pervogo Internatsionala i Parizhskoy Kommuny [Russian Female Activists of the First International and the Paris Commune]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 258 p. Available at: http://istmat.info/files/uploads/27448/commune_i-s-knizhnik_1964.pdf (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
11. Koz'min B. P. *Russkaya sektsiya pervogo Internatsionala [Russian Subdivision of the First International]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 417 p. (In Russ.)
12. Kotovskaya M. G. *Gendernye ocherki: istoriya, sovremennost', fakty [Gender Essays: History, Modern Times, Facts]*. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography Publ., 2004. 358 p. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/19193340> (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
13. Kulagina I. P. Russian Women in Medicine in the Second Half of the 19th and Early 20th Century: Legal and Practical Problems. In: *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii [Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2012, no. 18, pp. 19–23. (In Russ.)
14. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 544 p. (In Russ.)
15. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka [Conversations About Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (the 18th and Early 19th Centuries)]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1994. 399 p. (In Russ.)
16. Obukhovskaya L. A. Nadezhda Suslova: The Thousands Will Come After Me. In: *Obukhovskaya L. A. Dostoyanie respubliki Krym. Kniga vtoraya [Obukhovskaya L. A. The Legacy of the Republic of Crimea. The Second Book]*. Simferopol, N. Orianda Publ., 2016, pp. 143–146. (In Russ.)
17. Ovchinnikov I. Nihilism as It Is Judged by Dostoevsky: Introduction. In: *Russkiy zhurnal [Russian Journal]*. Available at: <http://old.russ.ru/krug/01vvodka-pr.html#8b> (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
18. Osipov G. V. The First Russian Female Doctor Nadezhda Prokofievna Suslova. In: *Zdorov'e [Health]*, 1988, no. 9. Available at: <http://lechebnik.info/511/20.htm> (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
19. Orekhova L. A. «The Sun of the Dead»: The Crimean Text and the Crimean Archive. In: *Krymskiy tekst v russkoy kul'ture: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 4–6 sentyabrya 2006 goda [The Crimean Text in Russian Culture: Materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, September 4–6, 2006]*. St. Petersburg, 2008, pp. 190–202. (In Russ.)
20. Orekhova L. A. The Old and New Myths About Apollinaria Suslova-Rozanova, Beloved by F. M. Dostoevsky. In: *Muza. Nauchno-populyarnyy zhurnal Obshchestva «Muza» po izucheniyu russkoy i sovetskoy literatury [Muse. Scientific and Popular Magazine of the Association “Muse”*

- on *Russian and Soviet Literature Studies*]. Osaka, Muza Publ., 2013, no. 28, June 1, pp. 55–72. (In Russ.)
21. Pavlyuchenko E. A. *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii ot Marii Volkonskoy do Very Figner* [Women in the Russian Liberation Movement, From Maria Volkonskaya to Vera Figner]. Moscow, 1988. Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/pav11r-11.htm> (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
 22. Rabzhaeva M. V. Emancipation of Women in Russia: Experiments in Gender Designing. In: *Rossiyskie zhenshchiny i evropeyskaya kul'tura: materialy 5 konferentsii, posvyashchennoy teorii i istorii zhenskogo dvizheniya* [Russian Women and European Culture. Proceedings of the 5th Conference Dedicated to the Theory and History of the Women's Movement]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society Publ., 2001, pp. 18–31. Available at: <http://anthropology.ru/en/text/rabzhaeva-mv/zhenskaya-emansipaciya-v-rossii-eksperimenty-po-gendernomu-konstruirovaniyu> (accessed 15 October 2017). (In Russ.)
 23. Romanova S. N. Archival Documents for the Biography of Bishop Arseny (Denisov). In: *XVIII: Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta: materialy* [18th: Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University: Materials]. Moscow, 2008, vol. 1, no. 18, pp. 344–348. (In Russ.)
 24. Rudneva Ya. B. Russian Students at Universities of Western Europe in the Second Half of the 19th and at the Beginning of the 20th Centuries. In: *Vestnik tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, vol. 11, no. 113, pp. 41–47. (In Russ.)
 25. Saraskina L. I. *Fedor Dostoevskiy. Odolenie demonov* [Fedor Dostoevsky. Overcoming Demons]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 462 p. (In Russ.)
 26. Saraskina L. I. *Vozlyublennaya Dostoevskogo: Apollinariya Suslova: biografiya v dokumentakh, pis'makh, materialakh* [The Beloved by Dostoevsky: Apollinaria Suslova: Biography in Documents, Letters, Materials]. Moscow, Soglasie Publ., 1994. 456 p. (In Russ.)
 27. Tvardovskaya V. A. *Dostoevskiy v obshchestvennoy zhizni Rossii (1861–1881)* [Dostoevsky in the Social Life of Russia (1861–1881)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 339 p. (In Russ.)
 28. Tivchenko D. V. The Subject of Female Education in the Journal of the Brother Dostoevsky «Vremya». In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies], 2014, no. 12 (134), pp. 48–50. (In Russ.)
 29. Shigan E. E. The First Years of Life of N. P. Suslova and F. F. Erisman in Russia: The Beginning of the Way of Scientists. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Scientific and Research Journal], 2016, no. 3 (45), pp. 131–132. (In Russ.)
 30. Shirinyants A. A. Russian Society and Politics in the 19th Century: Russian Revolutionary Nihilism. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* ["MSU Vestnik". Series 12: Political Science], 2012, no. 1, pp. 38–49. (In Russ.)